



ВОСКРЕСЕННЫЙ ВЛАДЫКА ОЗВУЧЕТ



ВЕСТНИК РУССКОГО БЛАГОЧИНΙΑ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

НОЯБРЬ 2012

СВЯТИТЕЛЬ ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ: ЗЛАЗУЕТ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

В любом большом храме или книжном магазине можно купить так называемые «Жития святых» — сборники рассказов о христианах, которые были канонизированы Церковью в разные периоды. Самые полные собрания житий занимают не один десяток томов, а самые краткие легко вмящаются в дамскую сумочку. Но, независимо от объема, все эти издания объединены общим источником: о святых, которые жили до эпохи Возрождения, русский читатель знает благодаря одному человеку — Димитрию (Туптало), митрополиту Ростовскому. Именно его тексты входят в состав большинства современных житийных сборников.

10 ноября празднуется его память. В Покровском храме в Рузе есть придел — это главный придел нижнего храма, освященный в честь этого святителя.

Справедливости ради нужно сказать, что святитель Димитрий был не только крупнейшим русским систематизатором житий. Еще этот человек вошел в историю как ученый, богослов, полемист, проповедник, писатель и даже как театрал — до наших дней дошли две его религиозные пьесы, написанные в честь Рождества Христова и Успения Богородицы. Во многих отношениях Ростовский архипастырь — личность уникальная и заслуживает внимательного к себе отношения. Так же — как и та сложная эпоха, в которую ему довелось жить и творить.

Будущий владыка родился в декабре 1651 года у казачьего сотника Саввы Туптало и его жены Марии. При Крещении ребенка назвали Даниилом. Благочестивое семейство сначала жило под Киевом, но когда мальчик подрос, супруги переехали непосредственно в столицу. Воспитанием ребенка занималась преимущественно Мария — некогда было Савве подолгу засиживаться дома. Мать посеяла в душе Даниила семечко веры, а отец показал сыну пример толкового и мудрого администратора. Все это со временем Туптало-младшему удалось развить в полной мере, когда он стал на поприще церковной службы. Но больше всего окружающие замечали острый ум мальчика — пытливый, цепкий, живой. И когда Даниле исполнилось 11 лет, его как сына заслуженного казака направили на обучение в Киево-Братский коллегиум — престижнейшее учебное заведение не только Украины, но и всей Руси.

Несмотря на притеснения со стороны шляхты, в Украине образование было развито значительно лучше, чем в соседних русских странах. Причин тому было несколько. Больше всего повлиял тот факт, что с 1596 года на землях Польской короны параллельно существовали две православные Церкви. Одна из них — униатская — внешне сохраняла православный строй богослужения, но кано-

нически подчинялась Римскому престолу и служила средством превращения украинцев в католиков. Вторая, более многочисленная и представительная, осталась верна Константинопольскому престолу и Православию, находилась в оппозиции к Риму, за что и была объявлена властями вне закона. Первая обладала всей мощью государственной поддержки, а у второй некоторое время не было даже должного числа епископов.

Против гонителей православные не раз поднимали восстания, что вызывало ответную реакцию и еще больше разжигало вражду между христианами. Вместе с тем появилось осознание того, что против католической экспансии можно бороться и мирным путем — через памфлеты, петиции, судебные иски, книги. Но для этого нужна целая армия образованных людей, которые могли бы на равных вести диалог с противником. И уже ко второй четверти XVII века сформировалась мощная систе-



ма образовательных учреждений, использовавших опыт католических университетов и направлявших усилия на отстаивание прав православного населения страны и развитие украинской культуры. Этой системе удалось успешно функционировать до тех пор, пока в конце XVIII века центр образования на Руси окончательно не переместился в Москву и Петербург. Влияние западнорусской киевской школы на многие сферы жизни Восточной Руси было настолько мощным, что лишь правление Екатерины Великой положило конец этому явлению.

В XVII столетии Украина дала Руси целую плеяду выдающихся мыслителей и ученых, которые оставили после себя богатое наследие и воспитали не менее талантливых учеников. При этом обучение в западнорусских школах существенным образом отличалось от методик воспитания в далекой холод-

ной Московии. На Москве образование носило характер, скорее, начетничества и преследовало больше практические цели — научить молодого человека читать, писать, считать, строить и вести хозяйство. Попав же в коллегиум Киева или Вильны, молодой человек получал значительно больше, чем просто практические знания. Здесь ему прививали целостную систему мировоззрения, заставляли мыслить. Преподавались не только богословские, но и светские дисциплины. Именно в такую атмосферу и окунулся отрок Данила Туптало, переступив порог Братской школы.

Под руководством ректора Иоанникия Голятовского — выдающегося проповедника и оратора — у будущего святителя развился замечательный дар слова. Вскоре он стал одним из лучших воспитанников. Вместе с тем духовники стали замечать и то, что Данила склонен к уединению и молитве. Через несколько лет тяга к монашескому подвигу сыграла в его жизни решающую роль. В 1668 году, испросив благословение родителей, юноша становится послушником киевского Кирилловского монастыря и вскоре принимает монашество с именем Димитрий. Через год его возвели в сан иеродиакона. Проходя обычные монастырские послушания, молодой аскет занимался духовно-литературными трудами и продолжал свое образование. В 1675 году Димитрий — уже иеромонах, один из ведущих проповедников, которого знают далеко за пределами Киева и Чернигова.

Как и многие бывшие бурсаки, отец Димитрий не имел знатного происхождения. Но, что самое интересное, если получение престижного образования вызывало у большинства юношей приступы зазнайства и высокомерия, то Туптало был напрочь лишен этих качеств. Перед верующими во время проповедей стоял не витийствующий надменный оратор, а простой монах, который живым ярким языком раскрывал перед людьми суть той или иной духовной проблемы. Не было у батюшки заносчивости и в личном общении, со всеми он был одинаково обходителен. Более того, чем ниже был социальный статус его собеседника, тем больше любви к нему проявлял молодой священник. И этот дар человеколюбия святитель пронес через всю жизнь.

Слава об образованном смиренном монахе ширилась с большой скоростью, и, едва став священником, Туптало одно за другим получает приглашения от монастырей стать игуменом. Сначала он отказывался — ему хотелось спокойно подвизаться в келье и заниматься писательскими трудами. Но, видя, что приглашений приходит все больше и больше, и узрев в этом волю Божию, иеромонах Димитрий в конечном итоге соглашается взять на себя крест игуменства.

За несколько лет проповедник побывал во всех уголках православной Речи Посполитой. Конечно, к тому времени Украина смогла уже прийти в себя после жутких войн с поляками и десятилетий като-

лической экспансии, но даже теперь молодому игумену предстояло сделать немало. Простые верующие жаждали слова Божьего, монастыри нуждались в мудром управлении, а духовное образование – в развитии. И батюшка смиренно делал то, что должен был делать, – он проповедовал, налаживал монастырскую жизнь, преподавал в школах, налаживал систему просвещения. Но была у него и другая цель – собрать побольше рукописей и книг. Еще в юности он полюбил читать жития святых прошлых столетий и вдохновлялся примером их святости. Со временем любовь к изучению биографий переросла в стойкое желание систематизировать в одном издании все сохранившиеся сведения о христианах, чьи имена Церковь вспоминает каждый день. К своей цели святитель шел долгих двадцать лет. В 1684 году на этот подвиг его благословил митрополит Киевский Варлаам (Ясинский), а в 1705 году из типографии вышел последний фолиант. До этого на такой огромный труд не отваживался никто. Вся тяжесть подвига Димитрия Ростовского становится очевидной, если учесть, что почти всю письменную работу владыка проделывал лично. Как признавался впо-

следствии сам Туптало, этой работы ему невозможно было проделать, если бы не помощь Божья и тех святых, о которых он писал.

В 1689 году произошло очередное поворотное событие в жизни батюшки – будучи по делам в Троице-Сергиевом монастыре, он познакомился с московским царем Петром. Молодой реформатор увидел в украинском монахе активного человека, который резко отличался от равнодушных к переменам и новшества жителям Востока Руси. Царь приметил киевского проповедника, и через десять лет в Киево-Печерский монастырь, где батюшка трудился над «Житиями», приехал посланец из Москвы. Он передал указ Петра о назначении иеромонаха Димитрия на Тобольскую кафедру. Противиться слову русского самодержца Туптало не мог, и в 1701 году он был рукоположен в Москве в архиереи. Но в Сибири Туптало оставался недолго – его тянуло на Родину, у него было плохое здоровье, да и продолжать свое любимое дело в таежной глуши он не мог. Митрополит попросил Петра решить вопрос о его переводе, и в 1702 году царь назначил Димитрия митрополитом Ростовским.

На новом месте святитель столкнулся с ситуацией, с которой ему не приходилось сталкиваться даже в пострадавших от униатов землях. Нравы жителей Ростовских земель отличались крайней запущенностью. Даже дети священников в большинстве своем никогда не причащались. Владыка начал с того, что ужесточил требования к моральному облику духовенства. Именно в Ростове были написаны его горькие слова, которыми он описывал нравы нерадивых священников: «Ты искал Иисуса не ради Иисуса, а ради хлеба куса».

Стремясь изменить ситуацию, при доме своем владыка открыл училище для подготовки пастырей и лично следил за их образованием и воспитанием. В школу брали не только поповичей, но и всех способных мальчиков. Не менее активно митрополит боролся и с суевериями, и со старообрядческим расколом, аргументированно излагая свою позицию. Кроткий и мягкий, святитель учил всех молитве, посту, милостыне, сострадательности, милосердию. И учил не словами, а личным примером.

Но здоровье святителя было подорвано многолетними путешествиями, недосыпанием, умственными нагруз-

ками. Он умер 10 ноября 1709 года. За два дня до смерти владыка отслужил литургию, проповеди уже не произносил. Перед смертью он долго беседовал со своим писарем Саввой Яковлевым, рассказывал ему о детстве, вспоминал родную Украину, родителей, друзей и наставников, которые дали ему такой большой духовный опыт. В конце беседы голос его ослаб. Владыка благословил писаря и чуть не до земли ему поклонился.

– Мне ли, владыка, ты так кланяешься? – смущенно воскликнул писарь, на что святитель кротко ответил:

– Благодарю тебя, чадо! – на лице владыки застыла чистая детская улыбка.

Писарь ушел в слезах. Митрополит запер дверь, и было слышно, как он молится. Так утром его и нашли – на коленях перед иконами. Святителю Димитрию было тогда 58 лет. Похоронили его в соборе Ростовского Яковлевского монастыря, а 4 октября 1752 года во время ремонтных работ было обнаружено, что останки святого нетленны. Канонизировали митрополита Димитрия в 1757 году.

Александр Моисеенков

По материалам сайта «Православие и мир»

ПОКРОВ В БОГОРОДСКОМ



СОГРЕЕМ ДЕТСКИЕ СЕРДЦА

С 22 октября по 4 ноября нынешнего года в Русском благочиницком округе проходила благотворительная акция «Согреем детские сердца». Эта акция, которая проходит ежегодно, стала традиционной в Московской епархии. В рамках акции проводили мероприятия, охватывавшие все три стационарных детских учреждения, находящихся на территории Русского муниципального района: Русский социально-реабилитационный центр «Астарта» (дер. Сытьково), Русский детский дом

дия, рассказал о том, как христиане видят свои взаимоотношения с Богом.

В рамках благотворительной акции уже стало доброй традицией приглашать детей-сирот Тучковского интерната в Воскресную школу Успенского храма поселка Тучково.

28 октября в Воскресной школе был проведен конкурс детских рисунков, после которого детям были вручены подарки. Дети интерната побывали в храме, услышали рассказ настоятеля, протоиерея Вячеслава Осипова, об истории храма.



ке Казанской иконы Божией Матери 4 ноября. О тех далеких событиях, когда наша Родина была оккупирована врагом, и о том, что предшествовало освобождению Москвы и единению русского народа.

На прощание священник Артемий подарил ребятам образки с изображением Архистратига Михаила. После проведения общей беседы желающие смогли так же поговорить с батюшкой о личных проблемах, задать интересующие их вопросы.

4 ноября воспитанники русского социально-

реабилитационного центра посетили Знаменский храм деревни Комлево. Настоятель храма рассказал об истории храма, которая тесно связана с историей нашей Родины, рассказал о том, зачем христиане строят храмы и что в них происходит. В заключение беседы воспитанники задавали вопросы настоятелю. По окончании беседы было устроено чаепитие, каждый воспитанник получил в подарок Казанскую икону Божией Матери, а потом был сделан общий памятный фотоснимок.

(г. Руза) и Тучковский интернат (пос. Тучково).

26 октября состоялась встреча воспитанников русского социально-реабилитационного центра с настоятелем Знаменского храма деревни Комлево игуменом Петром (Пущенко). В беседе с воспитанниками священник коснулся актуальной для воспитанников темы милосердия, рассказал о том, как христиане видят свои взаимоотношения с Богом.

В беседе с воспитанниками священник коснулся актуальной для воспитанников темы милосер-

По окончании праздничного мероприятия была устроена совместная трапеза учеников Воскресной школы и учащихся интерната. Весь приход участвовал в акции, собрав добровольные пожертвования детям-сиротам для подарков ко дню рождения и церковным праздникам.

29 октября настоятель Преображенского храма села Нестерово, священник Артемий Андреев встретился с воспитанниками Русского детского дома. Священник рассказал детям о приближающемся праздни-



ПОД ВЛАСТЬЮ МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА, ИЛИ КАК ОТЛИЧИТЬ ВБРОС ОТ НОВОСТИ

Череду скандальных новостей о Русской Православной Церкви одни считают централизованной информационной атакой, другие — естественным ходом событий. Об этом можно долго дискутировать, а можно просто взять и обратиться к фактам и цифрам: проанализировать все интернет-публикации по конкретной скандальной теме и проследить, как новость возникла и какой путь прошла, пока не стала повсеместно обсуждаемой. Такую работу провел Игорь Ашманов — генеральный директор компании «Ашманов и партнеры», известный специалист в области искусственного интеллекта и интернет-технологий.

МЕНТАЛЬНЫЙ ВИРУС

— Скандальные новости о Русской Православной Церкви — как их оценивать с точки зрения интернет-технологий: это информационная атака или просто множество реальных информационных поводов?

— Конечно, это информационная атака. Есть технологии мониторинга новостей, которые позволяют «поверить ее алгеброй». Налицо много характерных признаков того, что постоянная публикация скандальных новостей про Русскую Православную Церковь и Патриарха — это не естественные события, которые интересуют всех сами по себе, а «новости», искусственно раскрученные. Вбросы. Конечно, наличие некоторого признака или фактора у новости само по себе не стопроцентное доказательство, но когда их набирается несколько, картина становится вполне ясной...

— Что это за факторы?

— Прежде всего, надо сразу оговориться, что хорошо организованные вбросы и кампании по очернению выглядят совершенно естественно, и их невозможно обнаружить автоматическим анализом — нужно разбираться с достоверностью самих сообщений. Однако в кампании наподобие той, которая ведется против Русской Православной Церкви, много и довольно топорных, механических вбросов. Вот их распознать автоматически можно.

На вброс указывает, во-первых, сам характер новости. Примерно половина всех зимних и весенних инфоповодов, которые использовались для наезда на Церковь, это — «тухляк», новости двух-трехлетней давности. Например, тема часов Патриарха, всплывшая в апреле. Это история, которую пыталась впервые раскрутить «Украинская правда» три года назад, во время визита Патриарха на Украину. Или тема с «квартирой Патриарха»: первое упоминание о ней — двухлетней давности. То же самое — история про пансионат, который Церковь якобы отнимает у больных детей. Мало того, что все перевернуто, так сама история опять же старая. Тогда это было новостью, сейчас — уже нет. Но организаторам кампании каждые две-три недели нужен новый выпад в сторону Церкви или лично Патриарха. Часто Церковь, как очень большой коллектив, состоящий из разных людей, сама производит нужный повод (происшествия со священниками, например), однако это бывает не всегда. Поэтому раз не нашли ничего нового — раскапываем архивы, выводим в топ «тухляк». Переупаковываем, делаем актуальным и вбрасываем.

Второй признак вброса — это характер распространения. Суточный график освещения в Интернете естественного события, связанного с Церковью, — например, Пасхи или визита Патриарха в другую страну — обычно выглядит как хаотическая череда всплесков (см. график 1): много разных авторов из разных мест пишут разные вещи в разное время. А вот суточный график вброса — очень острый (см. график 2). Механический вброс выглядит как резкий пик, то есть много «авторов» перепубликуют практически одно и то же и, что самое интересное, зачастую в одно и то же время.

Иногда вбросы происходят либо строго в 9:00, либо строго в 15:00. Эта топорность меня поражает больше всего. Я так и вижу схему работы: всю подготовку по девятичасовому вбросу провели накануне — поехали по кафе в центре Москвы, раздали деньги блогерам, созвонились, списались и т. д. Утром прислали текст, дали команду начинать. Либо всё сделали перед обедом — и тогда вброс происходит в три часа дня.

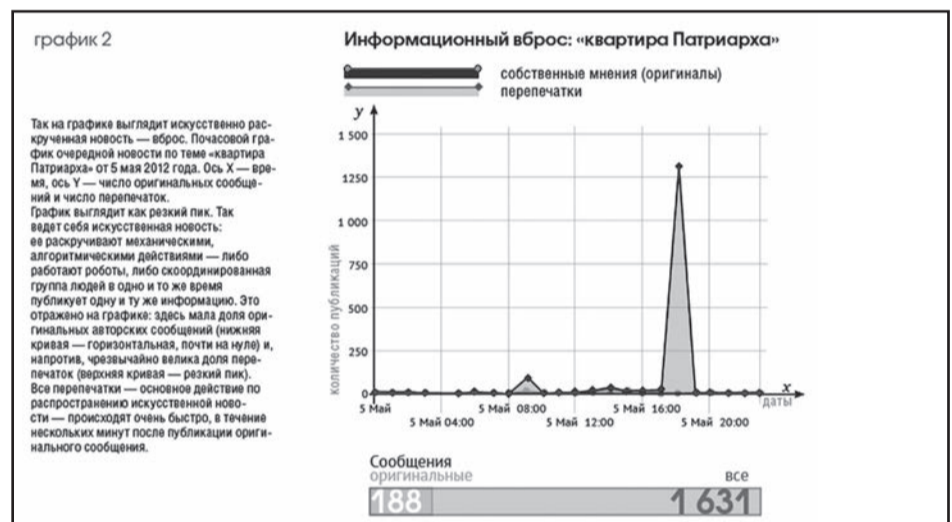
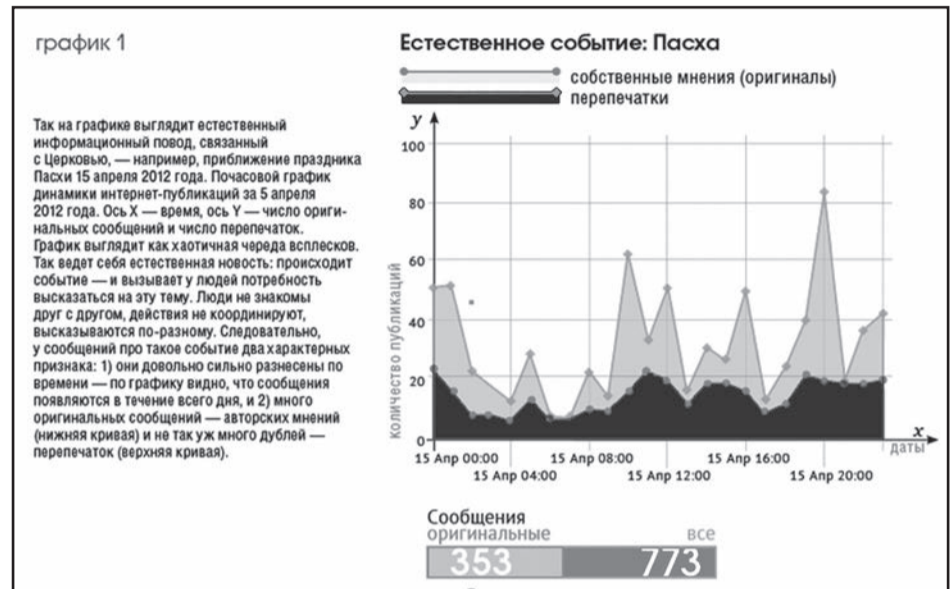
Показательно еще и то, как выглядит кампания, то есть множественные вбросы на графике, не за сутки, а по неделям: они образуют этакую волнистую «полочку» (см. график 4), то есть, как только один инфоповод себя изживает (кривая на графике опускается), нужно тут же выдавать следующий.

Еще один характерный признак вброса — отношение количества перепечаток и оригиналов. То есть сколько в относительном выражении было авторских сообщений о том или ином событии, а сколько — просто копий. У нас в компании есть технология, позволяющая выявлять даже нечеткие перепечатки, когда блогер берет первоисточник, меняет там абзацы местами, добавляет несколько слов и формулировок, то есть выдает статью за авторский текст. Так вот, у вброса оригиналов очень мало. Основное — это дубли и нечеткие дубли (см. график 2).

А у естественного события оригиналов — много (см. график 1). Оно и понятно: у естественного события значимость высокая, ее не нужно искусственно создавать, поэтому про него пишут много разных корреспондентов, не знакомых друг с другом, и каждый — своими словами. И каждая из этих авторских публикаций с точки зрения интернет-поисковика — отдельное медийное событие. А у вбро-

са — оригиналов один-два, много — три-пять. И много-много копий (см. графики 1 и 2).

Обсуждение в блогах и соцсетях в течение одного дня:



Наконец, еще один признак вброса — это характер аккаунта в социальной сети, из которого исходит оригинальное сообщение. Очень часто вброс начинается с малопопулярных аккаунтов. Например, есть некая девочка в соцсети «ВКонтакте» — вешает фотографии кошек, цветочки и т. д. Довольно долго — несколько месяцев — изображает реальный аккаунт. И вдруг здесь же появляется нехарактерный, длинный, очень эмоциональный текст про то, что ее папа сейчас якобы находится в Крыму на совещании и что там тысячи трупов, а власть ничего не делает... Это копируется всеми и всюду. А после этого через четыре часа аккаунт сам собой закрывается.

Почему все это признаки вброса? Потому что если этот аккаунт малопопулярен, но за несколько часов провоцирует резкий взрыв интереса — значит, узнать о нем средствами этой же социальной сети было невозможно. Как — если у этой девочки не так уж много друзей? Получается, на эту страничку указали исполнителям средствами, внешними для этой социальной сети: опять-таки созвонились, списались, вбросили ссылку в другую соцсеть и т. д.

Последний этап вброса — отмывка в СМИ. Информационные интернет-ресурсы через два-три часа подхватывают историю и делают новость, которая начинается словами: «В Интернете пишут, что...». Это вообще любопытно — за последние несколько лет выковался новый способ, как снять со СМИ ответственность: раньше считалось необходимым проверять источники информации, а сейчас это не требуется, дескать, «это же люди в Интернете пишут, а мы, СМИ, всего лишь перепечатываем». Так вброшенный инфоповод раскручивается в интернет-СМИ. А потом, если повезет, дотягивает до популярных газет и телевидения.

На основе всех этих признаков кампанию против Патриарха Кирилла и Русской Православной Церкви можно считать классической информационной атакой.

— Но есть же и другая проблема: некие анонимные блогеры новость вбросили, вот только потом-то в соцсетях ее подхватывают вполне реальные люди, причем неглупые — твои знакомые, и начинают обсуждать, рефлексировать, делают выводы...

— Я это явление называю ментальным вирусом. Мы все этому подвержены. Я вспоминаю один эпизод периода перестройки. На Пушкинской площади возле редакции «Московских новостей» сотнями, а иногда тысячами собирались люди, которые непрерывно обсуждали политику. Часами стояли на морозе, под дождем... Но как обсуждали? Они бурно пересказывали друг другу то, что только что прочитали в газете или посмотрели по телевизору: разоблачаем Сталина,

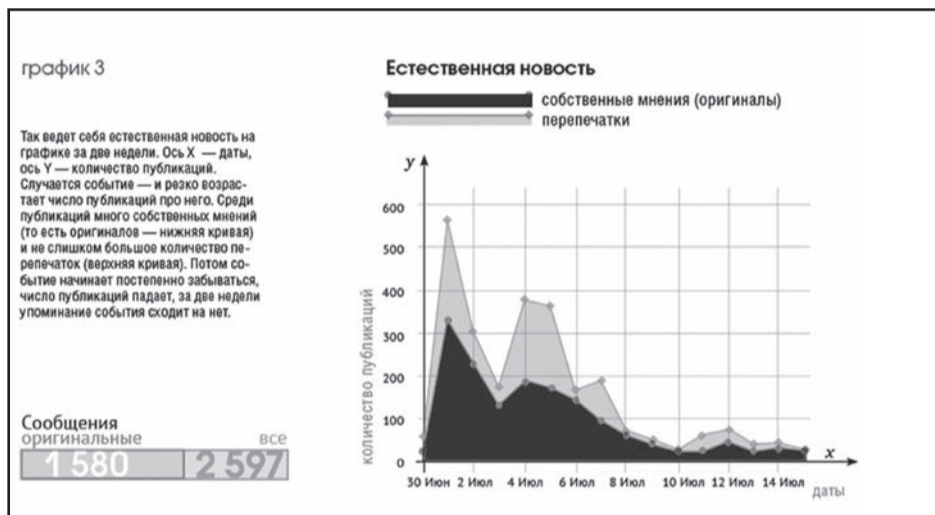
выбрали Верховный Совет СССР, академика Сахарова не пустили к трибуне... И это было похоже на какую-то лихорадку, на чуму! Говорят, так было не только в Москве.

Сейчас происходит то же самое — только в Интернете. В данном случае — люди пересказывают друг другу, что плохого они только что узнали о Церкви. Это самый настоящий ментальный вирус. Почему? Во-первых, он провоцирует болезнь, ее главное проявление — это страшная возбудимость на любую, совершенно любую новость по теме. А во-вторых, человек в такой ситуации говорит штампами: он подает это как собственное мнение, но, если разобраться, просто повторяет то, что только что услышал от другого, с той же аргументацией, с теми же выводами. Это естественно — ведь вирус должен сам себя постоянно одинаково воспроизводить. Если вирус модифицировать, он не может распространяться — он мутирует и угасает.

— А что бы Вы посоветовали церковному человеку, который читает все это — и ему от этого плохо? Уйти из соцсети и быть не в ногу со временем?

— Я рецептов не знаю. Могу сказать одно: не надо путать понятие «среднего» и «нормы». Условный пример: в Японии среднее зрение — минус три. Но это же не значит, что такое зрение — нормальное. Норма — это стопроцентное зрение. Здесь то же самое. Из того, что все друзья и знакомые сидят в соцсети, не вытекает, что это нормально.

Обсуждение в блогах и соцсетях в течение двух недель:



ЭМИГРАНТЫ ИЗ ПРАВОСЛАВИЯ

— Зачастую Церковь критикуют люди вообще нецерковные, сторонние...

— Да, это мне кажется особенно любопытным. Я читал блоги знакомых — и не мог понять, почему человек, причисляющий себя, например, к атеистам, подхватывает любую новость о том, что такого-то священника уличили в том-то, что Церковь что-то у кого-то отобрала. Я несколько раз влезал в разговоры, пытаюсь сказать: «Послушай, ты же не «член клуба», не все ли тебе равно?»

Пробовал объяснить, что это интеллигентское ханжество: дескать, сам я не верю, в Церкви ни разу не был, сам делать могу что угодно, но раз вы назвали верующими, вы должны быть более праведными, и раз ты священник, я могу от тебя чего-то требовать... С чего вдруг? Причем аргументы моих собеседников мне казались малоубедительными: «Церковь лезет в мое светское пространство, включаю телевизор — там поп, и меня это раздражает». Я в ответ на это предлагаю взять программу передач и просто посчитать, сколько в ней православных программ в неделю. Один мой знакомый написал в своем блоге, что больше всего в Церкви его «выбешивает» колокольный звон возле дома. На это ему кто-то иронично заметил, что со звоном так и задумано: специально для этого и звонят...

Я задавался вопросом, почему же люди так легко и с удовольствием на Церковь раздражаются. И вдруг понял, что нечто похожее в свое время наблюдал в среде эмигрантов. Это называлось «накрутка на отъезд». Например, собирается программист эмигрировать из России в США — и задолго до отъезда на каждой встрече, на каждом семинаре вместо того, чтобы говорить о программировании, начинает говорить о том, как все ужасно, к чему все катится в этой стране. Каждый, кто собирался уезжать, должен был постоянно это проговаривать — чтобы «накрутить» самого себя, убедить знакомых и друзей в правильности своего ре-

шения, добиться от всех сочувствия — а окружающие просто страдали от загрязнения эфира. Но уехав, он не успокаивался — вылезал на русские интернет-форумы и продолжал уже из-за океана ту же самую «накрутку». Доказывал, что уехал не зря: мол, у меня дом на море, лужайка, гриль, все умные уже тут, в России остались только идиоты.

Так вот, когда я сегодня читаю, как неверующие компьютерщики, бизнесмены-агностики или кто-то еще непрерывно публикуют у себя на страницах новости про Церковь, которые, казалось бы, их не касаются, — мне все это очень напоминает эмигрантскую накрутку из-за океана. Потому что после семидесятилетнего советского периода все мы в какой-то степени — эмигранты из Православия. Разница только в том, что за границу люди уезжают сами, а из Православия нас выкинуло поневоле. При этом в нашей стране плоскость в каком-то смысле наклонена к христианству: под ногами как будто течение, которое ведет туда. Можно за ним последовать, можно упереться. Но всё как будто подталкивает к тому, чтобы все-таки двинуться в сторону Православия: это сердцевина культуры, родственники и друзья носят крестики, вокруг много храмов.

И эмигрант из Православия чувствует, что по-хорошему он должен был бы во всем этом разобраться, что-то почитать, что-то узнать об истории, понять, почему умные приличные люди — православные. Но ему этого не хочется — и он начинает себя «накручивать»: как в Церкви все ужасно, и как правильно, что он остается в стороне. Ему дают инфоповод, и он с удовольствием по утрам садится за компьютер, чтобы поужасаться: мол, у попов все по-прежнему плохо, а значит, еще на день можно успокоиться и об этом не думать.

— А как Вам кажется, почему люди сопротивляются тому, чтобы вернуться из эмиграции в Православие?

— Я всю жизнь работаю в среде программистов, и могу говорить о том, что характерно для нее. Как правило, путь к удовлетворению мистической потребности тут начинается с мистических и эзотерических практик. И довольно многие в этом и застревают. Мне понятно почему — из-за своего рода интеллектуальной новизны. Евангельские притчи, выросшие из Евангелия поговорки — все это фон, с которым мы живем, привыкли и не замечаем. Мистика — это что-то неизведанное. А программист — это человек, который любит «ум-разум», любит разобраться и понять что-то сложное. Поэтому интеллектуальная новизна для него притягательна. Ему нравится, когда говорят: то, что ты знаешь, не очень интересно, а мы сейчас тебе расскажем то, чего другие не понимают. Оно — сложное, придется напрячься и подумать. Но зато ты станешь круче всех. А он только что сто экзаменов в университете за пять лет сдал и пять языков программирования выучил. Его все это цепляет.

Более того. Все мистические учения говорят по сути следующее: все люди вокруг скоты и лохи, но существует Путь (непрерывно с большой буквы), по нему идут Избранные, и ты можешь быть среди них, но тебе нужен Учитель (тоже с большой буквы), в конце пути ты обретешь силу и станешь лучше людей-лохов. По сути это — просто соблазн. Но программисту это напоминает работу с технической инструкцией: есть люди, которые умеют то, чего ты не умеешь, тебе это нужно для профессии, читай инструкцию, тренируйся и тоже будешь все знать.

— Но ведь инструкция в каком-то смысле есть и в христианстве: все люди грешны, но есть путь преодоления грехов — покаяние, и по этому пути не пройдешь без Учителя — Христа. В чем же тут принципиальная разница?

— На мой взгляд, вот в чем. Хотя сектанты и эзотерики вначале какое-то время действительно говорят человеку о его несовершенстве и даже унижают, они потом очень быстро начинают хвалить и работать с его гордыней. Таким учениям свойственно разделение людей на категории, наподобие каст в индуизме. И тот, кто преподносит учение, всегда — само собой — в высшей категории. И тебя обещает в нее привести. А христианство устроено принципиально иначе. Никто не обещает тебе святость. Христианство — это что-то, что заставляет тебя чувствовать себя недостойным перед Богом каждый день.

Но это я сейчас понимаю. Раньше, когда в молодости увлекался восточными религиями, я этого не понимал.

— А что Вас в итоге привело к христианству?

— Во-первых, наверное, сложность, ум-разум. Я же тоже был программистом, закончил мехмат. Когда начал читать христианские книжки — «Просто христианство», «Письма Баламута» Льюиса, «Слово о смерти» святителя Игнатия Брянчанинова, отца Серафима (Роуза) — я вдруг обнаружил, что это сложнее и умнее всей «восточной» духовной литературы вместе взятой, которую я читал раньше. А во-вторых, в христианстве меня поразила красота. Знаете, мои дети много раз смотрели «Гарри Поттера». Я им не запрещаю — пускай там магия, но все-таки четко расставлены акценты, где добро, а где зло. Но потом начинаешь смотреть «Хроники Нарнии» и вдруг видишь, что «Гарри Поттер» — это какое-то мутное бегание по каким-то темным помещениям с какими-то странными задачками. А «Хроники Нарнии» — это открытый сверкающий мир с ясным сообщением зрителю. С христианством у меня было то же самое. Я ощутил, что, по сравнению с восточными религиями с их пессимизмом и тягостными отношениями человека и мира, от христианства исходит свет.

ДИСКОТЕКА 80-Х

Как часто какое-нибудь интересное приключение начинается с обычного телефонного звонка. Точь-в-точь с такого же, что прозвенел у меня в кармане в прошлое воскресенье, во второй половине дня.

Звонил Станислав Петрович, мой старинный приятель и большой любитель разных неожиданных предложений и мероприятий. Это меня уже никуда особенно не тянет, но Стас, несмотря на возраст и постоянную занятость, неизменно в курсе того, кто из артистов прибывает в наши края, где можно посмотреть новый кинофильм или спектакль. Не устаю поражаться его оперативности и легкости на подъём.

— Мне бы Станислава Петровича.

— Он на Дальнем Востоке, улетел на встречу с бывшими однополчанами.

Или:

— Через пару дней вернётся. Умчался в Норвегию, очень уж ему на «сердитого малыша» захотелось посмотреть.

Поднимаю трубку:

— Сегодня в Павлов Посад приезжает Макаревич. Да, тот самый, «Машина времени», наша юность, батюшка. Ты как? Мы с Серёгой собираемся.

Здорово, надо же, Макар, собственной персоной. И главное, так неожиданно. На его песнях мы и росли, «Машина» — духовная пища для наших тогдашних ищущих сердец. Он, и ещё Никольский. Даже не знаю, кого я услышал первым. У нас в Гродно в «клетке» городского парка ребята музыканты всё больше орали: «Вот, новый поворот!» А Никольский через динамики магнитофонов проникал в душу ненавязчивыми аккордами своего гениального «Музыканта». Это потом уже я узнал, что эту песню он написал, находясь на службе в армии. То-то она была так созвучна моему настроению, когда, оставшись практически один в огромной пустой казарме на окраине Минска, долгими осенними вечерами, я, забываясь с пачкой дешёвых сигарет на подоконник в солдатском туалете, всё повторял и повторял слова этой песни. Почему в туалете? Просто там было немного камернее, чем в казарме, рассчитанной на двести человек.

На гражданке у меня не было записей «Воскресенья», потому я так обрадовался, встретив в казарме старого знакомого из моего города Гродно. Не помню уже, как его звали, по-моему, Костик, хотя я и не уверен. Зато точно знаю, что в своё время он учился у нас в мединституте. Я всё ещё удивлялся, как такой бездельник поступил в наш самый престижный вуз? Но поступить одно, там ведь ещё и учиться надо. Оказывается, совсем молоденьким мальчиком мой знакомец женился на дочери одной медицинской профессорши, она его и пристроила учиться на будущего врача. Вполне возможно, Костик и стал бы известным хирургом, если бы не досадный случай.

В квартире у тещи-профессорши, а молодые жили вместе с мамой, проживало ещё и с десяток любимых кошек. Для любимцев, как известно, запретов не существует. Потому кошки бродили по всей квартире, спали, где им понравится. Таких замечательных кошачьих туалетов и поглотителей воздуха тогда ещё не было, потому и в квартире постоянно стоял стойкий запах мочи.

«Ночью в туалет встаешь и идёшь по стеночке. И обязательно где-нибудь да вляпаешься. Отправляешься в ванную отмываться, здесь и весь сон проходит. И потом, эти животные постоянно хотели жрать. Я как понимаю: завёл кучу кошек — так ты их и корми. За те два года, что мне пришлось прожить вместе с тещей, не помню, чтобы я сам хоть раз поел по-человечески. Стоило только отвернуться, и всё, тут же куда-нибудь влезут. Развернёшься врезаться по башке

паразиту, теща орать начинает «не обижай котика».

Долго я это терпел, но однажды всё-таки сорвался. Возвращаюсь из института голодный, пошёл на кухню, достал из холодильника ветчину, кусок отрезал. А ветчина настоящая, литовская, лично за ней в Друскининкай мотался. Кладу батон обратно в холодильник. И вот, прямо на моих глазах тещин любимец, здоровенный такой чёрный котяра, хап своими когтями и заграбастал мой обед. Эта обнаглевшая скотина не обращает на меня никакого внимания, и здесь же на моих глазах начинает уминать мою же ветчину. Не сдержался я в тот момент, и как был у меня в руке кухонный нож, так им и махнул. Кошара заорал и сбежал, а хвост и недоёденная ветчина остались на столе.

Скандал был, ты себе не представляешь. В один день я лишился всего — и жены, и тещи, и крыши над головой. После ближайшей сессии меня выперли из института и вскоре забрили в солдаты».

Такая вот грустная история. Пускай Костик и не стал хирургом, зато он здорово умел играть на гитаре. Он-то мне и перепел все песни «Машины» и Никольского, а слова «Музыканта» даже переписал на бумажку. И помню в строке: «И ушёл, не попрощавшись, забыв немой футляр» Костик слово «немой» написал отдельно. Это было смешно. Зато именно из-за этого слова Костик навсегда остался в моей памяти.

Память — это штука вообще какая-то странная. Помню, моя первая служба на приходе совпала с праздником Пасхи. На Пасху Царские врата постоянно открыты, и когда я должен был перед пением Символа Веры произнести «двери! двери! премудростию вонмем», то подумал: «Причём тут двери, если сегодня они постоянно открыты», и пропустил эту фразу. А клирос ждёт моего возгласа и молчит, короче, вышла заминка. Регент доложила об инциденте настоятелю, и тот мне объяснил, что я был неправ. Я тогда обиделся на регента и думал, ну что ей стоило просто после службы подойти и сказать мне, новоиспечённому батюшке, в чём моя ошибка.

Время прошло, вместе с ним и обида, с регентом мы даже подружились. Потом, к сожалению, её сбита машина. Все эти годы во время служения литургии, как дохожу до слов «двери! двери! премудростию вонмем», всякий раз вспоминаю того регента и молюсь о её упокоении.

Вот и ломай голову, что это — памятозлобие или зарубка во временном потоке?

Нет, нам определённо нравилось, о чём пел Макар со своей «Машиной», потому что он пел о нашей реальной жизни. Что вижу, то и пою, как тот казах со своей казахской балалайкой. И о марионетках, и о посетительнице ресторана, на которую клюёт уже двадцать восьмой кандидат... Его тексты заставляли думать и переживать, и ещё сочувствовать — и этим куклам, и несчастной женщине, обречённой на одиночество. У Лещенко с Кобзоном так не получалось. Мелодии «Машины времени» забирались мне в самое нутро и входили с ним в единый резонанс, настраивая меня, будто камертон, на единый лад с мыслями и настроением поющих.

Помню, как вместе с Макаревичем задавался вопросом: действительно, а что же будет через двадцать лет? И вообще, будет ли что-нибудь через двадцать лет, ведь может ничего и не быть. Ох уж эти американцы со своими «Першингами». Хотя мои надежды на будущее были прекрасны, поскольку по натуре я скорее оптимист. В юности моим любимым делом было читать и смотреть фантастику. Мы тогда собирались покорить вселенную, проникнуть в её самые удалённые уголки, отыскать братьев по разуму и, конечно же, с ними подружиться.

А уж «Скачки», «Поворот», как мы под них выплясывали в той же «клетке» в городском пар-

ке, или рядом, когда на билет не было денег. И главное, слова эти нас опьяняли: не бойся, выходи за ворота, выбирайся из привычной рутины бытия, ищи чего-то нового, неизведанного, и, несомненно, прекрасного! Неизвестно что там, впереди, твоё дело идти. Преодолевай себя, не сиди на месте. И пусть добрым будет твой путь. Точно замороженные аккордами гитары, мы отправлялись на поиски солнечного острова, и верили, что где-то именно в той стороне обитает чудесная птица счастья с крыльями «цвета ультрамарин».

Но больше других мне нравилась их песня о родном доме. Наверное, потому, что я любил мой город, своих близких и мой родительский дом. Иди, ищи, строй свою судьбу, но не забывай о месте, где тебя любят и всегда ждут. Я напевал её в армии, повторял много-много раз, живя далеко от родины. Только одного не мог тогда понять, как это: «и видел я дворцы, дворец кому-то тоже дом»? Где Макар мог видеть дворцы, кто это у нас живёт во дворцах? Хижины — да, их полно вокруг, а вот дворцы — явный перегиб. Сейчас бы я сказал: пророчество.

Время шло, а «Машина» всё больше и больше оставалась в прошлом. Зато теперь Макар с экрана телевизора учил меня, как готовить еду. Только мне не нужно изысков: прижмёт — я и сосисками перебьюсь. Душу бы чем накормить. Но иногда он всё-таки баловал меня замечательными новинками, а я радовался и переставал верить в то, что Макар «сдулся», спасибо ему за это...

И вот звонок в воскресенье после литургии, и предложение поехать и живём послушать кумира из наших давно минувших дней.

На концерт вместе с нами выбрался ещё и Сергей, наш общий знакомый, преуспевающий бизнесмен. Он ехал и всё никак не мог поверить, что сейчас он снова увидит самого Макара, будет слушать свой любимый «Поворот».

— Мужики, хотите верить, хотите нет, но в 1979 году вот эту самую руку, — и Серёга в качестве неоспоримого вещественного доказательства предъявил нам свою внушительную пятерню, — Андрюха жал лично. Да-да, после концерта, — и он назвал место, где так на коротке сошёлся с человеком из нашей общей юности.

Я понимаю Серёгу, доведись бы и мне пожать руку легендарному музыканту, я бы тоже наверно радовался точно также, а вот в те же годы, хоть расцелуйся бы я с самим товарищем Брежневым, так об этом бы уже и не вспомнил.

В начале восьмидесятых Серёга поступил в военное училище, собираясь послужить отечеству в качестве его защитника. Мы все тогда о чём-нибудь да мечтали, ну, если кому-то не нравится это слово, пускай — строили планы. Детство Сергея прошло на Северном Кавказе. Несколько поколений его предков учили и лечили тамошних жителей, и так сроднились с этими людьми, что маленький Серёжка лет до семи на языках горских народов говорил лучше, чем на русском. Когда они переехали в наши места, его так и звали: «русский нерусский». До сих пор в его говоре улавливается еле заметный акцент, а уж если он начнёт волноваться или о чём-то рассказывать с увлечением, то и подавно.

Стас, тот с юности был активным общественником: и в школе, и в университете, хотя рассказывал, будто всегда хотел заниматься наукой. После того, как во времена перестройки прозвучал горбачёвский призыв строить «социализм с человеческим лицом», Петрович проникся идеей и даже вступил в партию строителей светлого будущего. Я замечаю, что до сих пор его продолжают задевать и несправедливость, и наплевательское отношение к маленькому человеку, хотя от политики он сегодня бежит, точно от ладана. Вскоре после того, как развалился Союз, накрылась медным тазом и область его научных

изысканий. Оставшись с тремя детьми без всяких средств к существованию, всю силу своего деятельного характера Стас направил на предпринимательскую деятельность. Начиная, понятно, челноком с сумками безразмерного размера, а сегодня на принадлежащих ему предприятиях трудится больше семисот человек. Кстати, своих работяг Петрович старается не обижать, мечта построить хоть что-нибудь, но только обязательно «с человеческим лицом» всё ещё не покидает его.

Уже в машине Стас достал бутылку сухого красного вина:

— Ну, что, ребята, давайте по чуть-чуть для куражу. А то как-то неправильно получается, слушать «Поворот» и без подогрева, а так хоть поорём. Помню в том же 1979, когда Серёга Макару руку жал, мы в студенческом стройотряде отрывались под «Машину» с портвейном покровского разлива. Ох, и здорово же было — молодые, бесшабашные. Кстати, Серёжа, ты помнишь портвейн того времени?

— А как же, та ещё гадость, — отозвался Серёжа, — хотя и экологически чистая.

— Прошло тридцать лет, и вот, пожалуйста, мы балуем себя вот такими игрушками. Французское марочное, я его для своих из Парижа выпиываю. В своё время мне его порекомендовали в одном из кафешек на Монмартре, правда оно недешёвое, пятьдесят евро бутылка, и это ещё оптовая цена, но оно того стоит. Вот оно, ласковое солнце французского юга, соединившееся с беззаботностью празднично шатающихся по Парижу туристов из России. Серёга, давай сюда твою тару, — и налил ему из бутылки.

Серёжа отхлебнул из пластикового стаканчика, посмаковал вино и выдал:

— Другой бы на месте Стаса, может быть, и оскорбился таким сравнением, но Петрович знал Серёжину историю, потому и поспешил:

— Всё, хорош о грустном, мы едем слушать Макара! Возвращаемся во времена нашей счастливой юности и отрываемся под «Поворот».

В самом начале чеченских событий, когда наши, оставляя оружие и боеприпасы, уходили из республики, по чьему-то недосмотру в Грозный отправился спецсостав с вооружением. Вагоны охранял военный караул, старшим которого был назначен капитан Серёга Звягинцев. Когда состав прибыл к месту назначения, солдат уже встречали вооружённые до зубов многочисленные представители свободной Ичкерии. Ребят разоружили и загнали в здание вокзала. Всего в плену у басмачей оказалось около сотни наших. Правда, те их особенно не обижали, так только, двух человек застрелили для острастки.

Потом Серёжу отделили от всех и увезли. Судьбу остальных он не знает, а его продали очередным бандитам. Таким образом капитан Звягинцев перепродавался ещё несколько раз, и его конечная цена составила аж сто тысяч долларов. Пять с половиной месяцев он, словно пёс, просидел на цепи в земляной яме.

— Я бы никогда не выжил, если бы не офицер лётчик, что сидел в зиндане вместе со мною. Это он научил меня пить собственную мочу, иначе почки точно бы вылетели от постоянно холодной цепи на поясе. Я понимал, что такое количество долларов им за меня никто не заплатит, как не заплатили за того лётчика, Царствие ему Небесное. Вдруг однажды ночью мои мучители велели мне спешно вылезать из ямы. После чего вывели во двор и передали каким-то угрюмым чеченцам с автоматами. Они меня и вывели за пределы Чечни, передав в одну из воинских частей.

Я всё ломал голову, почему эти люди меня освободили? Представляешь, они меня выкупили, только не за сто, а за двадцать пять тысяч.

В своё время, когда Сталин депортировал чеченцев в Сибирь, мой дед работал директором школы в одном большом селе со смешанным населением. Понимая, что многие из тех, кого вывозили, уже никогда не вернуться назад, учитель

не смог безучастно наблюдать за тем как будут расправляться с его учениками. И он стал их прятать в нечеченских семьях, таким образом ему удалось спасти сорок ребятишек. Конечно, бдительные органы со временем выявили преступника и вклепили ему восемь лет лагерей, которые тот и отрубил от звонка до звонка.

Когда Серёга попал в плен, уже дети тех спасённых учителем учеников буквально перерыли всю Чечню и выкупили внука своего спасителя, как говорится, «по себестоимости». Как уж они узнали о его беде? Бывшего пленника перевезли в военный госпиталь в ближайшее Подмосковье и принялись лечить. А ещё через несколько дней за Серёжей приехали серьёзные крепкие парни и снова куда-то повезли.

Нет, никто его больше не бил, потому что бить его уже было некуда, настолько наш друг был немощен. Его пытали звуком в специально приспособленном для этой цели помещении. Зачем бить, если человека можно просто свести с ума или довести до самоубийства другими, более гуманными методами?

— Почему ты выжил? Почему тебя освободили чеченцы? Какое ты получил задание? Сколько заплатили?

И вдруг отпустили, так же внезапно, как и арестовали. Просто выбросили на улицу больным, без денег и без будущего — иди, спивайся. Хорошо, ребята не оставили одного — скинулись и купили ему маленький бизнес. С него он и начинал.

В это трудно поверить, но спустя семь лет, в принадлежащую Серёже типографию поступил срочный заказ напечатать большую партию предвыборных плакатов. Поначалу он даже был обрадован выгодному заказу, но взглянув на фотографию кандидата, немедленно узнал в нём того бывшего капитана, что вёл его допросы. Узнал и, не объясняя причины, от заказа отказался. На следующий день к нему в кабинет влетел разгневанный кандидат, и, уже в свою очередь узнав Серёжу, остановился как вкопанный.

Потом, собравшись с мыслями, примирительно положил тому руку на плечо и начал:

— Старик, давай без обид. Ничего личного, ты же понимаешь. Ты и я — офицеры, оба мы служим родине, каждый на своём месте. Сегодня ты поможешь мне, а завтра я вспомню о тебе.

— Ты знаешь, — ответил Серёжа, — у нас с тобой разное понятие об офицерской чести, да и понятия о родине тоже, видать, разные.

И выставил кандидата за дверь.

Концерт, назначенный на шесть вечера, начался с заметным опозданием. В это время народ, всё больше нашего возраста, времени зря не терял и собирался в буфете с мыслями в ожидании «Поворота». Правда, так и не дождался. Потому как вместо «Машины» на сцену вышли с десяток ребят с трубами и саксофоном. Всё вместе это называлось «Оркестр креольского танго». Нет, они играли совсем неплохо, но это было не то, что мы бы хотели услышать. А потом пел Макара, голос которого мы так любили, несмотря на его специфичность.

В какой-то момент я почувствовал, как Петрович толкает меня локтем и передаёт полиэтиленовый стаканчик с сухим французским вином:

— Представь себе, что мы сидим в кафешке на Монмартре, а ребята нас развлекают. На самом деле, закрываю глаза, и очень похоже. Вот, попробуй.

Подражая Петровичу, я тоже закрываю глаза и немедленно оказываюсь в самом начале 80-х.

Вместе с ней, той моей первой любовью, мы сидим на концерте какого-то саксофониста. Это она училась в музыкальном училище, а для меня что саксофон, что тромбон — были словами однокоренными. Мне хотелось, чтобы она была рядом, и я таскал её по разным концертам. А ей надоела вся эта музыка, и хотелось в ресторан. Ей было скучно на этих концертах, но у меня не было денег, зато мне нравилось смотреть на арти-

стов. Один чукотский ансамбль «Эргерон» с шаманскими бубнами чего стоил.

В тот раз саксофонист, засунув в рот сразу два мундштука, заиграл на двух саксофонах одновременно. Я подумал, что это он так дурачится, и стал смеяться, но моя подруга, возмущённо посмотрев в мою сторону, как отрезала:

— Это тебе не клоун, это виртуоз!

С тех пор я стараюсь не выдавать своего дилетантства и с готовностью принимаю версию Петровича:

— Да-да, точно, как в Париже.

На обратной дороге мы всё больше молчали. Неожиданно Стас заявил: «А вы знаете, что в апреле туда же приезжает Никольский с группой «Воскресенье»? Как смотрите, если мы соберёмся тем же составом?»

— Что же мы будем слушать, — отозвался Серёжа, — «По дороге разочарований»?

— Не только. А «Музыкант»? А ещё помните эту, — и он принялся напевать, — «Забывшую песню несёт ветерок, в задумчивых травах звеня, напомнив, что есть на земле уголок, где радость любила меня... и не было места в душе с юных пор мечтам недоверья и лжи...»

— Ребята, — перебил его Серёга, — вы вслушивались в смысл того, о чём сегодня пел Макара? Нет? А я слушал: мол, всё хорошо, и всё есть, кроме одного — смысла, цели и любви. Мне показалось, что он устал быть пророком, и потому играет джаз, — Серёга помолчал. — И пусть играет, маэстро заслужил покой.

Когда Сергей уже выходил из машины, Петрович было предложил:

— Давайте ещё винца, на посошок.

Но Сергей вытянул руку в немом протесте: нет, спасибо.

— Стас, ты только не обижайся, но знаешь, мне кажется, тот портвейн покровского разлива в 1979 году был вкуснее, чем это французское с Монмартра, — помахал рукой в ответ на мой поклон и скрылся за дверями своего коттеджа.

Петрович попросил шофёра довезти меня до самого дома, и пока мы ехали, поначалу возмущался:

— Нет, ты понял, те «чернила», что тогда назывались «Портвейном», лучше французского марочного по пятьдесят евро, и это с учётом оптовой цены! Что ты на это скажешь?

— Стас, поверишь, мне не знаком вкус «бормотухи» того времени, а до двадцати я вообще не знал, и что такое водка.

— Здорово. Хотя, с другой стороны, я Серёгу понимаю: мальчик из военной семьи, в своё время бредил стать офицером, в школе и в училище его воспитывали патриотом своего отечества. Потом никому ненужная война в Афгане, где он командовал взводом, а спустя несколько лет — это безумие на его родном Кавказе, со всеми вытекающими для него последствиями. И всё, и нет у человека отечества, раньше оно было вон какое, — и он широко расставил руки. — А сейчас сузилось до размера тех немногих благодарных чеченских ребятишек, которых спас дедушка, и нескольких друзей, что не оставили его, измученного пытками и пленом, погибать в нищете.

Эх, об этом ли мы тогда мечтали? Мог ли я представить, вступая в партию, что когда-то сам стану активным строителем дикого капитализма? Разве что только прочитать в какой-нибудь пьесе, написанной специально для театра абсурда.

Минут через пять мы уже были на месте. Прощаясь, Стас протянул мне бутылку французского вина:

— Возьми на память о нашей сегодняшней поездке.

И добавил:

— Ты счастливый человек, батюшка, раз не знаком со вкусом покровского портвейна 1979 года, тогда это вино будет казаться тебе превосходным.

ПРИТЧА О ГЛАВНОМ ОРУЖИИ ДЬЯВОЛА

Много лет назад диавол решил продать все инструменты своего ремесла. Он аккуратно выставил их в стеклянной витрине на всеобщее обозрение. Что это была за коллекция! Здесь был блестящий кинжал Зависти, а рядом с ним красовался молот Гнева. На другой полке лежал лук Страсти, а рядом с ним живописно разместились отравленные стрелы Чревоугодия, Вожделения и Ревности. На отдельном стенде был выставлен огромный набор сетей Лжи. Еще там бы-

ли орудия Уныния, Сребролюбия и Ненависти. Все они были прекрасно представлены и снабжены ярлыками с названием и ценой. А на самой красивой полке, отдельно ото всех остальных инструментов, лежал маленький, неказистый и довольно потрепанный на вид деревянный клинышек, на котором висел ярлык «Гордость». На удивление, цена этого инструмента была выше, чем всех остальных вместе взятых. Один прохожий спросил диавола, почему он так до-

рого ценит этот странный клинышек, и он ответил:

— Я действительно ценю его выше всех, потому что это единственный инструмент в моем арсенале, на который я могу положиться, если все остальные окажутся бессильными. И он с нежностью погладил деревянный клинышек.

Если мне удастся вбить этот клинышек в голову человека, — продолжал диавол, — он открывает двери и для всех остальных инструментов.

КАНТЫ СВЯТИТЕЛЯ ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

ПСАЛОМ 1

Иисусе мой прелюбезный,
сердцу сладосте,
Едина в скорбех утеха,
моя радости.

Рцы души моей, твое есмь
Аз спасение,
Очищение грехов и
в рай вселение.

Мне же Тебе Богу благо
прилеплятися,
От Тебе милосердия
надеятися.

Никто же мне в моих бедах
грешному поможет,
Аще не Ты, о всеблагий
Иисусе Боже!

Хотение мне едино
с Тобою быти:
Даждь ми Тебе Христа в сердце
всегда имети.

Изволь во мне обитати,
благ мне являйся,
Мною грешным недостойным
не возгнушайся.

Изчезе в болезни живот
без Тебе Бога:
Ты мне крепость и здравие,
Ты слава многа.

Радуюся аз о Тебе
и веселюся,
И Тобою во вся веки,
Боже, хвалюся.

ПСАЛОМ 2

Надежду мою
В Бози полагаю,
Промыслу Его
Весь себе отдаю.

Яко Он хочет
Так о мне устроить,
А Его воли
Никто не престоит.

Судьбы Господни
Есть то бездна многа,
В тайных советех
Кто постигнет Бога?

Аще что кому
Он восхощет дати,
Людская зависть
Не может препяти.

Кому у Него
Что предоставлено,
То непременно
Будет исполнено.

Убо надежда
Моя буди к Богу,
Удивит на мне
Милость свою многу.

Не надеюся
На князи и люди,
В тех уповая
Постужен есть всюду.

Часть моя еси
Ты единый Боже,
Твоя десница
Во всем мне поможет.

Десница Твоя
Та сотворит силу,
Исцелит душу,
Даст здравие телу.

Та и вся блага,
Аще их есть тебе,
Вскоре дать может
И потом жить на небе.

ПСАЛОМ 3

Ты мой Бог, Иисусе,
Ты моя Радосте,
Ты ми Веселие,
Ты моя Сладосте!

Аще бы вся моя
Погубил во мире,
Тя паче, Боже мой,
Всегда имам в вере.

Богатства земная
Ни во что вменяю,
Егда, зря на небо,
Тя, Бога всех, знаю.

Аще мя скорбиши —
Должен есмь хранить,
Аще мя биешы —
Буду Тя хвалити.

Люблю Тя, Боже мой,
Над всех Святейшаго,
Хвалю Тя, Царю мой,
Всех Достойнешаго.

Дверь сердца моего
Сокруши каменну,
Положи в нас любовь
К Тебе пламенну.

Аще бы людие
Тя, Христе, познали,
Никогда бы Тебе
Грехми прогневляли.

Аще Ты познаем
В мольбе Херувимской,
Тогда Ты прославим
В хвале Серафимской.

Хощем всеусердно
Тя, Христе, познати.
Ты нас лицом к лицу
Сподоби взирати.

ПСАЛОМ 8

Мати милосерда!
Ты еси ограда,
От лютаго врага злаго
Храниши мя всегда.

Он лютый рыкает,
Бедна мя хищает;
Скоро, скоро Твоя помощь
От того избавляет.

На всякий час зову,
В немощи воззову,
Воплем крепким Мати Тебе,
Чиста Дево молю.

Не вем аз кончину,
Дне того годину,
К Тебе, к Тебе - всех Царице
Очи мои выну.

Прошу Тя всещедру,
Матерь милосерду,
Глас услыши мой, плач внуши,
Молю Тя всещедру.

Руци да воздену
Ко Твоему Сыну,
Мати, Мати преблагая
Ходатайствуй к Нему.

Тебе, Дево, молю,
Воплем крепким зову,
Душу, сердце, в воздыханий
Преклоняя главу.

Редакция газеты «Воскресный благовест» приглашает к сотрудничеству внештатных корреспондентов, тел. 8—916—671—09—84

ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВЕСТ

Вестник Русского Благодения

Адрес в интернет <http://orthodox-ruza.ru/>

Адрес редакции для писем: 143100, Московская область, г. Руза, ул. Дмитровская, д. 12 «Б»

Главный редактор — протоиерей Игорь Лепешинский ; E-mail для писем, комментариев и статей: dimruza@mail.ru

Распространитель — Алексей Волчков, тел: 8—926—278—28—35

Отпечатана: Типография ОАО «ИД» «Красная звезда»; 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru. Тираж 2500экз. Заказ № 5154

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в хозяйственных целях. Если газета стала не нужна, то отдайте её ближнему или принесите в храм.